
МУСУЛЬМАНЕ, ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

С. Ангенендт

Ph. D., профессор Германского института международной политики и безопасности

Большинство европейских стран, особенно с большой долей мусульманского населения, давно ведут дискуссии по поводу интеграции иммигрантов. Однако в настоящее время прения по проблеме интеграции мусульман перешли в новое направление: в дополнение к «традиционным» вопросам социальной маргинализации и дискриминации, ассимиляции и интеграции, все чаще звучат темы внутренней и внешней безопасности.

Эта статья освещает некоторые из этих тем. Она начинается с краткого обзора текущих европейских дебатов по вопросам иммиграции и безопасности. Во второй части затрагивается вопрос о том, почему мы так мало знаем о мусульманах, живущих с нами; при этом отмечается, что это имеет много общего с основными моделями интеграции, характерными для европейских стран. Все эти традиционные модели теперь находятся под «огнем» из-за того, что они дают плохой результат. В третьей части, представлены некоторые ключевые данные по интеграции мусульман. Наконец, будут рассмотрены также некоторые из возможных вариантов, в соответствии с которыми европейские страны могут в будущем интегрировать растущее мусульманское население.

Дискуссия о мусульманах, интеграции и безопасности в Европе.

Существуют, по крайней мере, три разных (хотя они и взаимосвязаны) дискуссионных вопроса по проблеме иммиграции, интеграции и безопасности.

Первый спорный момент относится к миграции и терроризму. На фоне событий 11 сентября 2001 года и того факта, что с точки зрения США эти нападения были совершены иммигрантами, во многих европейских странах имеются опасения, что терроризм уже мигрировал в Европу и будет в дальнейшем проявлять себя здесь. Политической реакцией на эти опасения явилось усиление пограничного контроля и сокращение межгосударственного перемещения из некоторых стран.

При этом как было, так и остается всеобщее недоверие к мусульманам, которые уже иммигрировали, а также увеличение внутреннего контроля за мусульманскими иммигрантами.

Вторая дискуссия ведётся о безопасности, но в широком понимании концепции, включая все аспекты культурной безопасности. Это делается на фоне демографических изменений в Европе (низкая рождаемость и низкая смертность), которые приведут к ее драматическому старению и сокращению населения. Демографический спад в Европе сдвигается по причине иммиграции и сравнительно высокого уровня рождаемости среди иммигрантов, особенно мусульманских иммигрантов. Однако это приводит к увеличению опасений, по крайней мере в странах с большим мусульманским населением, что быстро растущее мусульманское меньшинство может изменить этнический состав страны, привести к этнической неоднородности, и, таким образом, может угрожать национальной идентичности.

Наконец, третий спорный момент представляет собой комбинацию первых двух. Акцент здесь сосредоточен на реальном или мнимом дефиците, которым характеризуется интеграция мусульманских иммигрантов, в том числе на их чувстве маргинализации или отсутствия реального шанса в Европе. Страх немусульманского большинства заключается в том, что это чувство отторжения и отсутствия принадлежности может привести к дальнейшей изоляции этих иммигрантов, к созданию этнических анклавов или, так называемых, *Parallelgesellschaften* («параллельных обществ»); оно также может привести к большей политической радикализации, к распространению воинствующего исламизма, и к новому «доморощенному» терроризму. Этот аргумент также продвигают некоторые американские эксперты по безопасности, в том числе Роберт Лейкин из Фонда Никсона. Они утверждают, что европейцы должны проявлять гораздо большую активность в содействии интеграции иммигрантов-мусульман, потому что, в противном случае, они будут косвенно способствовать международному терроризму.

Очевидно, важно проделать более точное «картирование» мусульманского населения

¹ *Angenendt S. Muslims, Integration, and Security in Europe // Angenendt S., Barrett P., Laurence J. et al. (eds.). Muslim Integration: Challenging Conventional Wisdom in Europe and the United States, Center for Strategic and International Studies, 2007 (pp. 45–52).*

Европы, чтобы получить реальное представление о демографических тенденциях, а также о социальной и культурной интеграции. Но, к сожалению, и это главный тезис настоящей работы, у нас все еще имеются серьезные пробелы в информации о нашем мусульманском населении, особенно в отношении, по меньшей мере, двух аспектов.

Во-первых, это отсутствие важных сравнительных данных о миграции. Большинство данных, в том числе доля мусульманского населения, основаны только на субъективных оценках. В некоторых европейских странах, статистика миграции не берёт в расчет религию. Кроме того, методы сбора данных и поиска источников варьируется от страны к стране. Известно, что некоторые официальные статистические материалы основаны на процедуре местной регистрации, другие — на притоке и оттоке на границах страны. Данные о натурализованных иммигрантах зачастую полностью исчезают из официальной статистики, а в некоторых странах гражданство предоставляют на основе *ius soli*, или права рождения, следовательно новорожденные дети иммигрантов отсутствуют в статистике.

Во-вторых, знание об условиях жизни мусульман в Европе является довольно отрывочным. Имеются — по крайней мере, в некоторых европейских странах — многочисленные эмпирические исследования изолированных аспектов интеграции, но нет никаких повторных исследований, которые могли бы предоставить надежную картину того, как работает интеграция (например, интеграция на рынке труда).

Основная причина дефицита этих знаний заключается в том, что нужда в интеграционной политике пока не осознана ни теми, кто принимает решения, ни широкой общественностью в целом. Хотя материалы и исследования постоянно увеличиваются, Европа все еще далека от широкого политического консенсуса по поводу важности интеграционной политики. Не существует консенсуса и в отношении конечной цели интеграции: что означает интеграция? Что такое успешная интеграция? И какое общество мы хотим видеть через 50 лет, с какой степенью этнического и культурного разнообразия?

Модели интеграции.

Данные вопросы имеют решающее значение для стран с быстрорастущим этническим и культурным составом. Но мы сейчас гораздо дальше от решения этих вопросов, чем были два десятилетия назад, потому что основные модели, которые мы использовали в течение последних 20 лет, находятся под давлением. Вообще, в европейских

странах были использованы три основные модели: модель гастарбайтеров, модель меньшинства и модель ассимиляции.

Эти «традиционные» модели интеграции потеряли доверие населения. Во всех основных принимающих странах — будь то Германия, Нидерланды, Франция или Великобритания — результаты интеграции иммигрантов в настоящее время считаются неудачными, и уже начались интенсивные поиски новых концепций и моделей.

Модель гастарбайтеров родилась в 1950-х и 1960-х годах, когда после Второй мировой войны европейские страны стагнировали и было мало рабочих рук. Эта модель была основана на идее, что мигранты приедут, чтобы заполнить дефицит на рынке труда, и что они вернуться на родину по истечении определенного времени — два или три года — сохранив часть своих доходов. Классическим примером является программа привлечения гастарбайтеров в Западной Германии с 1955 до 1973 года. Немецкие работодатели принимали на работу — при активной поддержке немецких властей — квалифицированных и неквалифицированных рабочих, сначала из Италии, а затем из Турции и других стран юго-восточной Европы.

Одной из основных характеристик этой политики было убеждение, что в интеграции нет необходимости, потому что иммигранты должны остаться только на короткое время. Таким образом, Германия не планировала проводить интеграционную политику: ни прокладывать путь иммигрантов в общество, ни помогать принимающему обществу справиться с растущим культурным многообразием. Типичная формулировка была (и остается) — «мы не страна иммиграции». Такое отношение еще существует в широкой немецкой общественности, несмотря на недавние глубокие изменения в немецком законе о гражданстве; эти изменения упростили доступ к получению гражданства, и они показывают, что большинство в немецком Бундестаге признало существование в стране значительной и постоянно растущей группы мигрантов.

Сегодня многие считают, что гастарбайтерская модель полностью провалилась, в первую очередь по той простой причине, что все страны, которые ввели её, не смогли вовремя заметить, что эти временные мигранты становятся постоянными иммигрантами, несмотря на отсутствие какой-либо интеграционной политики. Ненамеренные результаты этого теперь можно видеть в том факте, что в Германии постоянно растёт число детей и внуков этих «временных мигрантов».

В отличие от первой модели, *модель меньшинств* была основана на предположении, что

иммиграция будет перманентной, и поэтому иммигранты должны рассматриваться как граждане с определенными религиозными, этническими и культурными традициями. Таким образом, иммигранты воспринимались как члены группы, а их локальные поселения и возникающие этнические общины рассматривались как посреднический и необходимый шаг на пути к интеграции. Предполагалось, что они сохраняют свою культурную идентичность, и интеграция рассматривалась как долгий и более или менее самоорганизующийся процесс. Государство, в свою очередь, гарантировало определенные права меньшинств для этих иммигрантских групп.

Эта «мультикультурная» модель была использована, например, в Соединенном Королевстве и Нидерландах. Но с течением времени данная модель также потеряла свою легитимность, поскольку выяснилось, что результаты социально-экономической интеграции были так же плохи, как и результаты модели гастарбайтеров: бурные протесты, столкновения на этнической почве, агрессивные политические акции, и в конечном итоге — терроризм.

Третья модель — это *модель ассимиляции*. Иммигранты расценивались как правовые субъекты, и эти субъекты должны были подписать с государством что-то вроде контракта. Иммигранты приветствовались до тех пор, пока они вели себя как местные жители, уважали законы, нормы и институты своей новой родины и принимали доминирующую культуру. Франция является хорошим примером, и, действительно, здесь иммигрантам были предложены так называемые *contrats d'accueil et d'intégration*.

Но эта модель также попала под огонь критики, особенно после насильственных и неоднократных столкновений между вторым/третьим поколением молодых иммигрантов, имевших в основном мусульманское происхождение, и французской полицией осенью 2005 года. Стало ясно, что большинство из этих молодых людей больше не верят в гипотетические обещания о гражданстве, учитывая то, что они фактически сталкиваются изо дня в день с маргинализацией и дискриминацией. Несоответствия между обещаниями вертикальной мобильности и реальностью показывают, что иммигранты не имеют практически никаких шансов для полноценного участия в экономической и политической жизни Франции.

Ни одна из классических европейских моделей интеграции иммигрантов теперь не рассматривается в качестве ориентира для текущей или будущей интеграционной политики. Действительно,

существует растущее общественное беспокойство по поводу того, как бороться с увеличением числа иммигрантов, особенно тех, которые связаны с различными культурами. В общем, политическая заинтересованность в интеграционной политике и в безопасности в случае отсутствия интеграции возросла во всех европейских странах. Многие государства, являющиеся членами Европейской комиссии, разрабатывают новые интеграционные инструменты и концепты.

Социальная интеграция мусульман.

Кризис интеграции, безусловно, имеет место, и поэтому теперь необходимо перейти к группе материалов о социальной интеграции мусульман в Европе.

Общие демографические данные

Во-первых, ислам является крупнейшей миноритарной религией в Европе, но и также самой быстрорастущей религией континента². Некоторые оценки показывают, что число мусульман в Европе увеличилось в три раза за последние 30 лет. Число мусульман в 15 странах Европейского союза (ЕС) оценивается от 13 до 15 миллионов человек, в то время как в 25 странах ЕС оно составляет 25 млн человек — около 5 процентов от общего числа населения³.

Основными движущими силами мусульманской иммиграции в Европу являются трудовая миграция, стремление к воссоединению семьи и пост-колониальная иммиграция. Кроме того, за последнее десятилетие имелся значительный поток нерегулярных иммигрантов из мусульманских стран, — нелегальная иммиграция, произошедшая на основе этнических связей из бывшей легальной миграции. Считается, что примерно один миллион мусульман мигрирует в ЕС-25 за год, в основном, в качестве членов семьи и в поисках защиты (хотя число беженцев уменьшается)⁴.

² Jytte Klausen, «Europas Neue muslimische Elite», *Aus Politik und Zeitgeschichte* 20 (2005), 17.

³ Frank F. Buijs, Jan Rath, *Muslims in Europe. The State Research* (New York: Russell Sage Foundation), 2002; Klausen, «Europas neue muslimische Elite»; International Helsinki Federation for Human Rights, «Intolerance and Discrimination Against Muslims in the EU: Developments Since September 11», March 7, 2005, 12; European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, «Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia», 2006. http://eumc.europa.eu/eumc/material/pub/muslim/Manifestations_EN.pdf.

⁴ David Masci, *An Uncertain Road: Muslims and the Future of Europe* (Washington, DC: Pew Forum on Religion & Public Life, 2004).

Основные страны, из которых приезжают иммигранты, это страны бывшей вербовки гастарбайтеров: Турция, бывшая Югославия, а также бывшие колонии в Африке, Азии и на Карибах⁵. Большинство мусульман мигрировало с 1950 года. Три четверти из них сейчас живут в Западной Европе, причем большинство — это первое или второе поколение иммигрантов.

В трех странах с наибольшим мусульманским населением значительная часть иммигрантов прибыли из одной конкретной страны или региона: например, во Франции — из Северной Африки; в Соединенном Королевстве — из Южной Азии; в Германии — из Юго-Восточной Европы и Турции⁶.

Большинство мусульман собираются остаться в Европе, даже если их статус проживания является лишь временным. Также ожидается, что их число будет значительно увеличиваться из-за сравнительно высокой рождаемости среди мусульман, которая примерно в три раза выше, чем у коренных европейцев. Предсказать уровень будущей рождаемости и притока мигрантов теоретически и методически сложно, и к сценариям будущего мусульманского населения Европы следует относиться с долей скептицизма. Тем не менее, существуют оценки, что число мусульман в Европе удвоится к 2015 (при постоянной чистой миграции и рождаемости), в то время как число немусульманского населения снизится на 3.5%⁷. Эта миграционная модель и уровень рождаемости предвещают преобладание относительно молодого мусульманского населения в Европе. В Германии проживает около одной трети мусульман в возрасте до 18 лет, по сравнению с 20% немусульманского населения.

Социально-экономическое положение

Большинство европейских мусульман имеют низкий социально-экономический статус по сравнению с немусульманами, они также имеют низкую образовательную и профессиональную квалификацию. Кроме того, уровень безработицы среди них гораздо выше среднего: во Франции,

уровень безработицы среди североафриканских мусульман составляет около 33%, по сравнению с 10.2%, в среднем по стране. В Великобритании, уровень безработицы среди 16-и 24-летних мусульман примерно в два раза выше, чем у той же возрастной группы не-мусульман⁸.

Для многих европейских мусульман самозанятость представляется предпочтительным способом заработка из-за их ограниченных шансов на рынке труда. В Германии неуклонно растет число мусульман-предпринимателей, которых можно встретить, в основном, в ресторанах, в розничной торговле, и, все чаще, в сфере услуг. Турки из первого и второго поколения иммигрантов очень активны в этом отношении, как и мусульманские иммигранты из Северной Африки и бывшей Югославии. В 2005 году приблизительно 66 000 турецких предприятий инвестировали около 7,5 млрд евро в экономику Германии, создавая общий объем бизнеса около 30 миллиардов евро⁹.

Образование.

В Великобритании, по данным Министерства внутренних дел, у трети мусульман трудоспособного возраста отсутствует профессиональная подготовка; это значительно более высокий процент, чем для других этнических или религиозных групп, и их школьная квалификация более низкого уровня, чем у других групп. Общий низкий уровень квалификации можно встретить и в Германии, где турецкие иммигранты составляют доминирующую часть мусульманского населения. Например, в земле Северный Рейн-Вестфалия в 2002 году, 26% турок не смогли получить аттестат о среднем образовании, по сравнению лишь с 2% немцев из того же региона¹⁰.

⁵ Buijs & Rath, *Muslims in Europe*.

⁶ Shireen Hunter (ed.). *Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape* (Westport, Connecticut and London: PRESSTK, 2002); Shireen Hunter with Huma Malik, *Islam in Europe and the United States: A Comparative Perspective* (Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, 2002).

⁷ Timothy Savage, «Europe and Islam: Crescent Waxing, Cultures Clashing», *Washington Quarterly* 27, no.3 (Summer 2004), 25–50.

⁸ Peter Bergen, «Islamic Extremism in Europe», testimony before the Subcommittee on Europe and Emerging Threats of the Committee on International Relations (Washington, DC: United States House of Representatives, April 27, 2005), 4, <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/congress/ber042705.pdf>; Muhammad Anwar Qadir Bakhsh, «State Policies Towards Muslims in Britain», Research Report (Warwick: Centre for Research in Ethnic Relations, University of Warwick, January 2002), 21, http://www.emz-berlin.de/projekte/pdf/Muslims_in_Britain.pdf.

⁹ Kemal Şahin (president of the Turkish-German Chamber of Commerce), speech (Berlin, May 26, 2006), http://www.td-ihk-kongress.de/index.php?article_id=32&clang=0.

¹⁰ Veysel Özcan, «Turks in Germany: Aspects of their socio-economic and socio-cultural integration», (paper presented at conference on «Integration of Immigrants from Turkey in Austria, Germany and Holland» at Bogazici University, Istanbul, Turkey, February 27–28, 2004).

Участие в политической жизни.

Во многих европейских странах доля иммигрантов-мусульман, имеющих право голоса, мала — в Германии, согласно некоторым оценкам, она составляет около 12%. Только Великобритания и Нидерланды сообщают о более высоких долях участия иммигрантов в политической жизни: в первом случае половина иммигрантов из Южной Азии имеют право голоса, во втором случае — половина турецких и марокканских иммигрантов имеют право голосовать.

Низкая доля мусульманских избирателей также находит свое отражение в парламентах государств. По словам Джитта Клаузена: «На протестантском севере проживает больше мусульман, чем католиков; в римско-католических странах мусульман также больше, чем протестантов. Около 15 миллионов мусульман проживают в Западной Европе, но только около 25 человек были избраны в европейские парламенты»¹¹.

Дискриминация.

В недавно опубликованном докладе, Хельсинкский комитет делает вывод, что дискриминация в отношении мусульман распространена во всех европейских странах, особенно на рынке труда, в сфере образования и сфере услуг¹². В 2004 году более 80% мусульман, опрошенных в рамках сравнительного исследования ЕС, сказали, что они сами были объектами религиозной дискриминации (в 1999 году таких было 35%, в 2000 году — 45%). Эмпирические исследования в Швеции, Франции и Великобритании показали, что мусульманские соискатели имеют значительно более низкие шансы получить работу при собеседовании, чем соискатели немусульмане с аналогичной квалификацией. Этот отказ соответствует настроениям широкой общественности. В Германии, например, одно эмпирическое исследование показало, что:

— 62% опрошенных согласились с утверждением «Ислам это религия, ведущая в прошлое»;

— 71% поддержали высказывание «Ислам является нетолерантной религией»;

¹¹ Klausen, Jytte, «Counterterrorism and the Integration of Islam in Europe», Watch on the West. A Newsletter of FPRI's Center for the Study of America and the West 7, vol. 7 (July, 2006). <http://www.fpri.org/ww/0701.200607.klausen.integrationislameurope.html>; информацию о немецкой ситуации см. Международная кризисная группа: «Islam and Identity in Germany», Europe Report, № 181 (March 14, 2007), <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=4693>.

¹² International Helsinki Federation for Human Rights, «Intolerance and Discrimination Against Muslims».

— 58% ожидают будущих конфликтов с мусульманским населением в Германии¹³.

Религиозность.

Хотя большинство европейских мусульман являются суннитами, в целом они весьма разнообразны в плане убеждений и религиозности¹⁴. Что касается религиозности, то мы обладаем только скудными сравнительными данными. Тем не менее, у нас имеется определенное понимание религиозной жизни мусульман в некоторых странах ЕС.

В Германии, согласно недавнему опросу, проведенному Центром исследований Турции, около 41% турецких мусульман регулярно посещают мечеть¹⁵. Около 55% считают себя «религиозными», 28% — «очень религиозными», и только 17% — «не религиозными». Интересно, что религиозная принадлежность положительно коррелирует с возрастом и сроком пребывания в стране.

В британском исследовании религиозности иммигрантов из Южной Азии более 90% заявили, что религия является «важным» элементом их жизни, а 66% опрошенных пакистанцев и выходцев из Бангладеша ответили, что религия играет «очень важную» роль в повседневной жизни¹⁶.

Во Франции, по данным опроса Национального института демографии, 36% иммигрантов-мусульман считают себя практикующими мусульманами, в то время как 42% считают себя не практикующими ислам (IFOP-Survey)¹⁷.

Имеются свидетельства о том, что религиозность также увеличилась и в других европейских странах, включая Нидерланды и Бельгию¹⁸.

Но что в таких опросах значит «религиозность»? Голландское исследование показало, что большинство из опрошенных мусульман в возрасте от 18 до 30 лет считают себя религиозными

¹³ Elisabeth Noelle and Thomas Petersen, «Eine Fremde, bedrohliche Welt», Frankfurter Allgemeine Zeitung.

¹⁴ Hunter, *Islam, Europe's Second Religion*.

¹⁵ Sen Faruj and Martina Sauer, «Islam in Deutschland: Einstellungen der türkischstämmigen Muslime — Religiöse Praxis und organisatorische Vertretung türkischstämmiger Muslime in Deutschland», ZFT-Aktuell, 115 (2006), http://www.zft-online.de/UserFiles/File/ZfT%20aktuell%20115%202005_neu.pdf 20Islam%.

¹⁶ Tariq Modood, et al. *Ethnic Minorities in Britain: Diversity and Disadvantage*, London: PRESSTK, 1997.

¹⁷ Sondage Ifop — Le Monde / Le Point / Europe 1, «L'Islam en France et les reactions aux attentats du 11 septembre 2001», October 5 2001, <http://www.ifop.com/europe/sondages/opinionf/islam.asp>.

¹⁸ Masci, *An Uncertain Road*.

ми (87% среди турок и 94% среди марокканцев). Но когда дело дошло до ежедневных религиозных обрядов, оказалось, что только половина иммигрантов из обеих групп активно практикуют их.

Вывод: общие программные решения.

Стало ясно (хотя и на основе ограниченных эмпирических данных), что мусульмане в Европе, как правило, испытывают более серьезный дефицит интеграции, чем многие другие группы. В то время как другие иммигрантские общины также испытали такой дефицит, на базе нынешних демографических тенденций очевидно, что недостаток интеграции среди европейских мусульман должен считаться основной политической проблемой.

Ключевой вопрос — может ли дефицит интеграции быть отрегулирован государственной политикой? Очевидно, большинство европейских правительств убеждены, что политика играет важную роль в этом вопросе, и большинство стран стараются развивать адекватную интеграционную политику. Во многих государствах ведутся обновленные общественные дискуссии по вопросам интеграции; большое число новых программ посвящены проблеме сокращения недостатка интеграции, также в это дело вкладываются существенные финансовые ресурсы. Кроме того, стремление к общей европейской политике интеграции растет: Комиссия ЕС взяла на себя инициативу и внедрила систему «Национальные контактные пункты» и «Европейская миграционная сеть», чтобы лучше обмениваться опытом и оказывать поддержку государствам-членам ЕС в разработке новых подходов.

Настало время для дальнейшей разработки структуры общеевропейской интеграционной политики, которая бы затрагивала следующие проблемы: как государства-члены ЕС справляются с растущим культурным разнообразием, как создать равные возможности и как содействовать активности иммигрантов, особенно на рынке труда, в сфере образования и в политической жизни.

Существуют четыре подхода к решению данных проблем, и государства-члены ЕС должны определиться, по какому пути они предпочитают идти:

1. Первый вариант — быть нейтральным государством, рассматривая культуру и религию как частное дело каждого. Государство будет просто устанавливать рамки для обеспечения юридического равенства. Но этот вариант является более

или менее теоретическим, учитывая тот факт, что правопорядок не может, на самом деле, быть нейтральным в строгом смысле слова, поскольку он всегда отражает определенный культурный фон. Государство, которое считает себя нейтральным в таких делах, все же не может не оказывать определенного давления на иммигрантов, чтобы ассимилировать их в культурном отношении.

2. Второй вариант — это попытаться признать культурную специфику различных меньшинств и предоставить меньшинствам особые права, такие как право на получение образования на родном языке. Данный подход позволил бы избежать попадания мигрантов в ситуации, когда они вынуждены выбирать между своей родной идентичностью и идентичностью принимающей страны. Они просто поддерживали бы частично обе идентичности, что могло бы облегчить интеграцию и снизить количество проблем. Некоторые эксперты в области изучения преимуществ возвратной миграции видят дополнительные выгоды в этой стратегии. Они утверждают, что мигранты, которым позволили сохранить свой язык, социальные и культурные традиции, возможно, легче смогут вернуться в родные страны, чем те, которым это не позволено. Конечно, не совсем ясно, будет или нет у мигрантских общин в Европе подлинная заинтересованность в возвращении в эти страны.

3. Третий вариант — это правовой плюрализм; он является довольно экстремальным для Европы, поскольку вступает в конфликт с некоторыми основами нашего демократического порядка. Результатом этого подхода было бы различие правовых норм для разных групп, в том числе в области уголовного и семейного права.

4. Наконец, четвертый вариант — это создание автономии на основе групповой идентичности для национальных или региональных меньшинств. Эта модель была частично введена в некоторых европейских странах, но не для иммигрантских групп.

Очевидно, некоторые варианты не очень хорошо вписываются в наше законодательство, и они просто способствовали бы социальной дезинтеграции. Но ясно, что, сталкиваясь с растущим разнообразием, мы должны обсуждать эти вопросы и разрабатывать стратегии и концепции в качестве ответа. В противном случае мы рискуем проложить путь к эрозии социальной интеграции, и тогда плохая интеграция мусульман будет только одним из аспектов более серьезной проблемы.